

Сердце в клетке

Автор:

Марина Комарова

Сердце в клетке

Марина Комарова

Моя свобода – плата за здоровье близкого человека. Моя верность – ставка в аморальном пари между моим мужем и его партнёром. Я цепенею от страха, видя, что дверца клетки вот-вот захлопнется. Нужно решиться на побег! Но... сумею ли я спрятаться от тех, кто использует меня, как марионетку, для своих утех?

Глава 1. Лия узнает тайну

Двери лифта раскрываются, и я выхожу в коридор. Меня окружает древесно-цветочный запах, и от его сладости скоро сойду с ума.

Это неправильно. В это невозможно поверить.

Внутри клокочут ярость и обида.

– Здравствуйте, Лия Александровна, – улыбается мне профессиональной улыбкой секретарша Кирилла.

Рыжая бестия. Она носит только строгие костюмы и никогда не расстегнет даже верхней пуговички у воротника. Во взгляде – безупречная вежливость и безупречный холод.

Я знаю, что она меня ненавидит, но сейчас не это главное.

– Здравствуй, Кира, – отвечаю я, делая глубокий вдох и приказывая себе успокоиться.

Нельзя. Нельзя вести себя как истеричка. Я должна быть...

Все мысли разлетаются, как осколки битого стекла, когда открывается дверь и Кирилл появляется в приемной.

Я резко забываю, что хотела сказать. Слова превращаются в ледышки и вмерзают в горло.

Нужно выпить что-то горячее, чтобы хоть немного растопить эту мерзлоту.

– О, привет! Лия, ты сама пунктуальность.

В его карих глазах столько радости. Можно подумать, и правда не мог дожждаться, когда стрелки часов доберутся до полудня, и мы выйдем в маленькое кафе возле офиса.

Обед. Обед с женой.

Кира понимающе смотрит и ускользает тенью, давая нам возможность побыть наедине.

Несколько секунд я смотрю на него. Молчание затягивается.

Кирилл смотрит на меня, в янтарно-карих глазах застыл вопрос. Уголки губ чуть изогнулись в улыбке. Солнечный луч падает на его каштановые волосы, рассыпается тысячей искр, утопая в крупных завитках.

Мой муж больше похож на художника или поэта, однако все, кто имеет дело с «Шторм-Моторс», прекрасно знают, что Кирилл Рогинский – хищник, которому лучше не переходить дорогу. С ним предпочитают не спорить.

– Лия? – чуть хмурится он. – Что-то не так?

Не так. Аромат чужих духов на вороте твоей рубашки. Пустые холодные ночи и постоянные задержки на работе. Пароли на ноутбуке, компьютере и телефоне. И даже заставка на последнем, где я в свадебном платье – всего лишь прикрытие, бесцветная глупая упаковка для... Для чего?

Я заставляю себя улыбнуться.

– Все хорошо, идем обедать.

Мы спускаемся в холл. То и дело на нас смотрят. Провожают взглядами: кто завистливыми, кто восхищёнными. Идеальная пара, слияние финансов и вид благополучной семьи.

Мы живём вместе всего год. Я полностью посвящаю себя дому и мужу, считая, что у него должно быть всё самое лучшее.

Но мой мир рушится, когда на почту приходит видео, где Кирилл целует блондинку с формами богини и порочным ртом уличной девки. У неё белые волосы. Шрам на спине, по которому хочется провести пальцем. Его руки грубо сминают её ягодицы, рывком разводят бёдра.

Я прикрываю глаза и чуть не спотыкаюсь о высокий порожек. Кирилл подхватывает меня под локоть.

– Лия, мне не нравится, как ты выглядишь, – чеканит он таким тоном, что не хочется возражать.

– Я просто немного устала, – глухо отвечаю и сажусь за наш любимый столик.

Обычно я сажусь так, чтобы видеть только его – спиной к залу с людьми. Но сегодня – нет. Я хочу, чтобы он смотрел только на меня. Чтобы отвечал прямо на поставленные вопросы.

Руки невольно сжимают смартфон так сильно, что, кажется, по экрану сейчас поползут трещины. Я не хочу закатывать скандал. Но и спокойно... у меня не получится.

– Лия, что ты хочешь? – спрашивает Кирилл беззаботно, раскрывая меню.

Две женщины за соседним столиком не отрывают взгляда от моего мужа.

Снова в душе вспыхивает надежда: вдруг его подставили? Монтаж?

Но слишком явно, слишком нереально.

– Я хочу... – голос предательски срывается, Кирилл поднимает на меня янтарный взгляд.

Я хочу знать, любимый, с кем ты спишь кроме меня?

– Салат «Цезарь», – произносят мои губы.

Кирилл удивлённо приподнимает бровь.

Я ненавижу салат «Цезарь». Но ещё больше в эту минуту я ненавижу себя за слабость.

Обед проходит спокойно. Кирилл несколько раз спрашивает о моём самочувствии, но я только улыбаюсь и говорю, что всё хорошо. Всё хорошо, милый. Всё замечательно. Всё просто великолепно. Эта чертова мантра не сходит с моих губ, покрашенных безумно дорогой помадой.

Муж считает, что у меня должно быть самое лучшее. Или просто дорогое? Ведь мы, женщины, не всегда может различить: платят деньги, потому что хотят угодить – или потому что хотят купить?

Мы прощаемся через полчаса. Кирилл очень занят: он бросает взгляд на часы, нетерпеливо барабанит пальцами по крышке, и мне кажется, что хочет как можно скорее избавиться от моего общества.

Любое его действие теперь имеет совершенно иное значение. Раньше я бы только подумала, что он полностью отдает себя работе, но теперь...

Я делаю судорожный вздох, с усилием улыбаюсь. Холодно и насквозь фальшиво, как пожелание счастливых праздников от магазина бытовой техники.

– Я сегодня задержусь. Прибывает Вольский. С ним, к сожалению, быстро дел не решить, – качает головой Кирилл. – Придется долго убеждать. Поэтому не жди, лучше ложись спать сразу.

Он касается сухими губами моей щеки. По телу пробегает горячая волна. Уже год мы живем вместе, год, как он надел кольцо на мой безымянный палец, а сердце до сих пор замирает при виде этого мужчины.

Я влюбилась в него как глупая девчонка, хотя прекрасно знала, что этого делать нельзя. Брак Савостовой и Рогинского – брак по расчету. И чудо, что супруг такой красивый, внимательный и заботливый.

– Как же сразу? – говорю каким-то деревянным голосом, а внутри полыхает костёр. – Плоха та жена, которая не дождетца мужа.

– Плох тот муж, который заставляет свою жену выглядеть бледной и с кругами под глазами, – отшучивается Кирилл и проводит пальцами по скуле. – Но от твоего роскошного мяса с паприкой я не откажусь.

– Хорошо, сделаю мясо.

Он улыбается. Кажется, все подозрения сошли на нет. То ли о чем-то своём думает, то ли ему откровенно неинтересно, как я себя чувствую.

Глядя ему вслед, ощущаю досаду и раздражение. Нельзя так думать о человеке. Надо всё проверить и только потом делать выводы.

Разумные мысли, но интуиция твердит совсем иное.

Я выхожу из кафе после того, как вижу в окно, что Кирилла рядом нет. Мне надо пройтись, немного проветрить голову. Я сегодня даже дала выходной водителю.

У него недавно родилась дочка, пусть...

Внутри больно колет сердце иголкой.

Целый год я не могу забеременеть. Кирилл ни в чем меня не обвиняет, но, кажется, ждет этого. Я мечтаю о ребенке с его кудрями и бездонно-карими глазами. Хочу, чтобы это была девочка. Но заветное не случается.

Мы уже были у нескольких врачей, однако те разводят руками. Говорят, мы оба здоровы.

Солнце светит так, будто сейчас не весна, а настоящее лето. Понимаю, что зря надела кофту с длинным рукавом. И отчаянно завидую девушке в коротеньком воздушном платье. Она смеется, с кем-то болтает по телефону и отбрасывает за спину локон платиновых волос.

Я стискиваю зубы. Такого же цвета волосы у той девушки, которую на видео целует Кирилл.

Зажигается зелёный свет, и я перехожу дорогу. Так выходит, что немного опаздываю, и основная масса людей проходит вперед. Спешу за ними, каблуки звонко стучат по асфальту, разлинованному белыми полосами зебры.

Серебристый мерседес с визгом тормозит в последний момент. Я вскрикиваю и шарахаюсь в сторону, сумка вылетает из рук. Меня бросает в жар, но через секунду становится ясно, что самое страшное позади.

Из машины вылетает высокий широкоплечий мужчина в черном костюме.

Он оказывается возле меня, подхватывает под руку. Хватка железная, я невольно вскрикиваю. И тут же натываюсь на взгляд прозрачных зелёных глаз. Светло-светло зелёных, словно колдовской изумруд под лучами солнца.

У него грубые черты лица, прямой нос с горбинкой, красивые губы. Волосы пшеничные, но выгоревшие и оттого кажутся ещё светлее. Пахнет от него морозом и бергамотом. Странное сочетание, но я только глубже вдыхаю запах, с изумлением понимая, что мне он нравится.

Мужчина смотрит так, будто встретил на своей пути самое досадное препятствие.

- Вы в порядке? - спрашивает он раздражённо.

Рассеяно хлопаю ресницами, прогоняю наваждение.

- В порядке! - отвечаю не менее резко, пытаюсь выдернуть руку. - Смотреть надо, куда едете.

Попытка смешна. Он сильнее меня. И даже не думает выпускать мой локоть. Стальные пальцы сжимаются, сминая ткань блузки. Зелёные глаза немного прищуриваются. У него необычайно длинные и красивые ресницы. Не светлые, как это обычно бывает у блондинов, а тёмно-каштановые.

- Вы не туда смотрите, - говорит он и неожиданно усмехается.

Я не сразу понимаю, о чем речь. Спустя секунду доходит, что я смотрю прямо ему в глаза и не собираюсь отводить взгляда.

- Нет, туда, - упрямо отвечаю, только голос предательски хрипит.

Достаточно ещё одной секунды, чтобы между нами сверкнула молния. Невидимая и неосязаемая, но озарившая самые дальние уголки наших душ.

- Раньше надо тормозить.

Звучит немного двусмысленно, мужчина улыбается. На этот раз весьма тепло.

- Может, вас подвезти в больницу?

- Я цела, - кошусь на поток проносящихся мимо машин.

Нам просто нереально повезло, что его мерседес затормозил практически у обочины, потому нас не объезжают и не сигналият.

– Физически – да, – не сдаётся он. – Но как насчет остального? Вдруг нервное потрясение?

– Вы не проехали по мне, – напоминаю я, глядя, как он приседает и поднимает мою сумочку. – А только напугали.

– Поверьте, я не хотел, – говорит вроде бы искренне, но извиниться не торопится. – Могу ли я исправить как-то это и пригласить вас на ужин?

Я поражаюсь тому, как у него всё быстро. Но мужчина ни капли не смущён и ждет моего ответа.

Приходится поднять правую руку и показать золотое кольцо на безымянном пальце. На лице собеседника отражается разочарование. Но исчезает так быстро, что я не успеваю насладиться успехом.

– О, верная жена? – спрашивает он так, будто увидел призрака.

– Именно.

И даже сейчас почти удастся задвинуть пошлое видео с Кириллом куда-то подальше. Я – верная. А ты – всего лишь незнакомец.

– Жаль, – произносит он, в зеленых глазах и правда плещется разочарование. – Но если это судьба, мы встретимся снова.

Я только усмехаюсь. И оказываюсь застигнутой врасплох, когда он делает шаг ко мне, оказывается практически вплотную. Ноздрей касается запах мороза и бергамота, сердце предательски ёкает.

Мужчина вскользь проводит ладонью по моему бедру.

– Возможно, вам понадобятся мои услуги, – улыбается он хищно и уверенно. – Хорошего дня, прекрасная... верная жена.

Серебристый мерседес практически срывается с места, а я не могу ничего сказать. От возмущения пропал голос, голова почему-то кружится.

Я отхожу на тротуар, стараюсь унять бешено колотящееся сердце. Делаю глубокий вдох. Мысли не хотят собраться в кучу, я не могу понять, почему перед взором до сих пор стоит светловолосый водитель мерседеса.

Я опускаю взгляд к бедру... к карману на юбке, откуда виднеется угол темно-бордового картонного прямоугольника.

Затаив дыхание, я беру его. Визитка. Золотом на ней написано его имя.

Сердце прекращает биться.

Я не могу долго находиться одна. Просто кажется, что непременно произойдёт что-то, необратимое и невероятное, и я больше никогда не услышу звук человеческих голосов.

Глупые-глупые страхи маленькой женщины, у которой, казалось бы, всё есть. Мой муж ни в чем мне не отказывает. Да что там, я сама могу распоряжаться финансами и вольна поступить, как считаю нужным. Гулять? Хорошо. Заниматься собой? Хорошо. Захотела шопинг? Без проблем.

Но есть одно «но». Никогда. Ни при каких обстоятельствах, ни при каких условиях я никогда не смогу стать наравне с Кириллом. С меня взяли клятву – никогда не соваться в бизнес, быть своему мужчине опорой и надёжным тылом.

Кирилл об этом не знает. А человек, которому я эту клятву давала, никогда не даст проговориться. Впрочем... я слишком многим ему обязана, чтобы трепать языком.

Я сажусь за коричневый столик маленькой кондитерской «Штерн». Столик покрыт вязаной скатертью, в изящной белой вазочке стоят свежие цветы. Я склоняюсь и вдыхаю их аромат, на мгновение забывая обо всем на свете.

Не сказать, что я предпочитаю быть тенью мужа, но и превращать жизнь в соревнование, кто добьется большего, не вижу смысла. У нас природой заложены разные роли, мы...

Я практически впиваюсь острыми ногтями в ладонь. Эти все мысли ни о чем. Глупые и ненужные, как блестящая мишура, оставшаяся на полу ресторана после громкого празднества. Если у Кирилла любовница, то ему плевать и на наш очаг, и на его хранительницу, собственноручно вверившую всю себя в руки человека, который её предал. Или же это неправда?

К столику подходит юный официант в белой рубашке и золотисто-коричневом фартуке с вышитой эмблемой кондитерской на груди.

- Добрый день! - улыбается он во весь рот. - Вам как обычно или будут особые пожелания?

Меня знают. Постоянная клиентка. Тут умеют радоваться, как родной. Потому и хожу сюда, каждый раз чувствуя себя самой любимой и желанной.

- Шоколад и клубника, - уголки моих губ невольно тянутся в улыбке. - И латте, пожалуйста.

- Сию минуту, - заверяет официант и перед тем, как унести, совершенно невинно добавляет: - Вы сегодня ещё очаровательнее, чем в прошлый раз.

И убегает так быстро, что ничего не успеваю ответить. Он слишком молод для меня, чтобы воспринимать комплимент всерьёз. И я уже всерьёз задумываюсь над тем, что Валентин, хозяин кондитерской, специально обучает персонал науке комплиментов - чтобы сюда ходили не только за обалденно вкусными пирожными и хорошим кофе, но и за прекрасным отношением.

Погружаюсь в водоворот собственных мыслей. И прихожу в себя только когда возле моего столика оказывается сам Валентин, а на подносе у него клубнично-шоколадное пирожное, латте и... хм, а эти шоколадные медальоны?

- Здравствуйте, - улыбается Валентин, ставя передо мной заказ. - Мы уже скучали. Рады, что не забываете. У нас в разработке новое лакомство. - Он взглядом указывает на медальоны. - Это печенье, хоть сразу так и не скажешь. Я недавно был во Франции, привез рецепт оттуда.

Я смотрю на Валентина, на душе становится ещё теплее. Хозяин кондитерской похож на итальянца. У него черные волосы, смуглая кожа и белоснежная улыбка. На кончике длинного носа очки без оправы. Взгляд каре-зелёных глаз всегда поверх стёкол.

На нём всегда форма кондитерской, Валентин ничем не выделяется среди остальных работников. Он часто появляется в зале. Смотрит на работу официантов, на реакцию клиентов. Может и вот так обслужить, подойти, поговорить обо всем на свете.

И ради таких мгновений я хожу в «Штерн». А ещё ради невероятно вкусных десертов и кофе.

- Спасибо. Непременно попробую.

Мы говорим словно старые знакомые. Валентин умеет располагать к себе людей. Ты просто приходишь и садишься за столик у окна, а потом внезапно понимаешь, что всегда тут была. И неважно, что не физически.

Иногда мне кажется, я не отказалась бы открыть подобное заведение. Не зря же у меня свой канал, где я готовлю? Мне это нравится. Но канал... больше развлечение для жены богатого мужа, чем серьёзное дело.

Спустя время Валентин снова уходит на кухню, и внутри становится пусто и холодно, будто исчезло нечто важное и замечательное.

Я вздыхаю и пробую печенье. Оно тает во рту, оставляя привкус горького шоколада. Вкусно. А потом кусочек клубники и добавить молочный шоколад, получается замечательно.

Кондитерскую я покидаю в более-менее приподнятом настроении. Мне звонит Янис, мой фотограф и оператор, с которым мы делаем видео для моего канала. Он смонтировал последнее видео, можно выкладывать в сеть.

Тут же предлагает сделать несколько фоток, чтобы был запас для инстаграма. И впервые за весь день я громко смеюсь. В понимании Яниса «запас» – это несколько фотосетов по сотне фотографий. И то это не гарантия, это «хоть что-

то есть, можно подобрать».

– Тебе смешно, но я прав, Лия. И подписчики будут тоже правы, когда начнут отписываться, – обиженно говорит он, и приходится соглашаться.

Потому что обиженный Янис – это практически обиженный котик. И я просто не имею права обижать животных, особенно таких милых.

Домой я прихожу спустя пару часов. Сама не понимая почему, начинаю готовить любимый салат Кирилла и запекаю мясо. Когда я готовлю, то отвлекаюсь от всего на свете.

Я думаю о количестве соли и специй и почти не вспоминаю, как пальцы моего мужа вплетаются в платиновую шевелюру.

Я сокращаю огонь, слежу за тем, чтобы мясо не подгорело, и почти не вижу, как её губы краснеют от его поцелуев.

Я вдыхаю сводящий с ума запах покрывающегося аппетитной хрустящей корочкой мяса и не вспоминаю запах разгорячённой кожи Кирилла, когда мы занимаемся любовью.

Я не... Дьявол! Да! Да! Да! Можно сотни раз повторить одно и то же, но ничего не изменится. Постоянно прокручиваю в голове этот чертов ролик и начинаю сходить с ума.

Как бы я ни старалась делать вид, что всё хорошо, ничего не выходит.

И даже когда Кирилл поздно возвращается домой, по-прежнему не могу прийти в себя. Только молча киваю ему, даю поцеловать себя в щеку и иду разогревать ужин.

В этот раз он не задает никаких вопросов о моем виде и молчаливости, сразу идет в душ. Шумит вода, но я слышу, как муж говорит по телефону. С кем – разобрать невозможно.

Ревность и обида вспыхивают в душе ядовитым цветком. Я упираюсь затылком в стену, делаю глубокий вдох и приказываю себе успокоиться. Нужно держать себя в руках. Только имея на руках доказательства, я могу что-то сказать ему. А так... Кирилл – замечательный мужчина. Но именно что мужчина. И считает, что женщина – слабый пол, красота этого мира, но лучше ей не переходить дорожку мужчине. Как-то он шутил, что в его венах течет горячая кровь арабских шейхов.

До сих пор не знаю, правда это или нет, но сейчас я вспоминаю эти слова.

Кирилл выходит из душа. Капельки влаги блестят на широких плечах и сильных руках. Он не любит халаты, поэтому всегда оставляет только полотенце на бёдрах.

Даже сейчас мне сложно смотреть на него и сохранять спокойствие. Хочется оказаться как можно ближе, провести пальцами по груди, спуститься к плоскому животу, обводя кубики пресса. Кирилл выглядит словно оживший древнегреческий бог.

Когда он одет – безумно сексуален. Но когда обнажён...

Мне приходится унять бешено колотящееся сердце и заставить себя думать только об ужине. Тарелки, приборы и салфетки. Сервировка. Даже в ужине на двоих Кирилл любит соблюдение канонов.

– Дорогая моя, – чуть улыбается он, – ты пересолила мясо. Я уже начинаю ревновать.

Глупая-глупая присказка, что если что-то пересолила, то в кого-то влюбилась. Жалкое оправдание тем криворучкам, которые не в состоянии выдержать рецептуру и бухают в блюдо слишком много соли.

И сегодня я одна из них. Потому что мои мысли занимает совсем не готовка.

Единственное, что я сейчас могу – натянуто улыбаться. Ничего толкового в голову не приходит, а извиняться не хочется. К тому же Кирилл меня не ругает, даже если что-то не так. Это внезапно раздражает. Злость внутри не находит выхода, я молча глотаю её и давлюсь, продолжая улыбаться, будто

провинившаяся жена. Или не будто?

- Тебе надо сегодня лечь пораньше, - немного хмурится он. - Бледная какая-то и рассеянная. Лия, всё хорошо?

- Всё хорошо, - говорю я одними губами.

А потом поднимаюсь, вскользь целую его в висок и иду в свою комнату.

- Я пойду спать, дорогой, - роняю пустую фразу и стараюсь не оборачиваться - тогда будет видно подступившие к глазам слёзы. - Завтра я исправлюсь и приготовлю что-то лучше.

В зеркале на двери я вижу изумлённый взгляд Кирилла и быстро ухожу в комнату.

А потом, почти бегом, несусь к своему ноутбуку, чтобы поставить пароль. В голове иррациональный страх, что Кирилл всё понял и, едва я лягу в кровать, побежит проверять мою почту.

Видео-файл прячу в скрытую папку, среди своих рецептов и бьюти-лайфхаков от продвинутых блогерш, куда ни одному нормальному мужчине и в голову не придет влезть.

Едва монитор гаснет, дверь за моей спиной распаивается и с громким стуком ударяется о стену.

Глава 2. Лия вспоминает прошлое

Шесть лет назад

Солнце немилосердно палит прямо в макушку.

Я собираю волосы в косу, но кудряшки всё равно выскакивают из неё, приходится сдувать их и заправлять за уши. Пальцы пахнут клеем, белую корочку приходится отдирать от подушечек.

Но это ни капли не расстраивает, потому что толстая пачка объявлений уже закончилась. Сегодня справилась намного раньше. Да и можно теперь забежать домой, взять продукты и поехать в больницу к тётё Але.

Она каждый раз просит приехать пораньше. Я изо всех сил стараюсь поскорее закончить с работой и мчусь к ней. Сейчас уже более-менее. Сердце – не шутки. Я плакала ночами после того, как её увезли на скорой.

Кроме тётё Али у меня никого нет. Родители погибли в автокатастрофе, когда мне исполнилось два года. Тётя, бездетная и одинокая, забрала меня к себе и воспитывала как родную. Она говорит, что я очень похожа на свою мать, её покойную сестру, и порой грустно улыбается.

Мы живём бедно, тетя работает учителем математики в школе. Берет ребят на репетиторство, пытается заработать лишнюю копейку, но при этом всё равно не сказать, что наше финансовое положение становится лучше.

И тут... Ей просто становится плохо среди ночи.

Что хуже всего – внезапно. Тётя Аля никогда не жаловалась на сердце, врачи только разводят руками. Но от греха подальше оставляют её в больнице. Пациентка упирается и не хочет оставаться надолго, я с трудом уговариваю её внять голосу разума.

Она понимает, что не надо вести себя как капризный ребенок. Но тётя Аля не любит больницы и ничего не может с собой поделать.

Поэтому я поправляю лямку рюкзака у себя на плече и несусь к метро. Успеваю прыгнуть в вагон, едва могу держаться за поручень – народу слишком много, – но всё равно чувствую себя довольной.

Всё хорошо, всё получится. Сможем дольше поболтать, расскажу про сегодняшние пары английского. Я ведь учусь в университете на переводчика,

поступила на бюджет, чем очень горжусь.

Я добираюсь до нашего спального района, поднимаюсь по ступенькам на четвертый этаж, на ходу доставая из кармана ключи. Вот уже показывается поцарапанная дверь, круглая ручка и...

Дверь приоткрыта. Жутко чернеет щель, потому что в коридоре темно.

Мне нехорошо. Мысли путаются, насканивают одна на другую. Ладони взмокают, на лбу выступает испарина. Что делать, что делать? Я простая девочка, у меня нет ни оружия, ни возможности противостоять вору.

Хорошо, если он уже ушёл. Тогда мне остается только подсчитывать убытки. А если здесь? И вооружён?

Судорожно припоминаю все ценные предметы. Господи, да что там взять... старенький компьютер, который нужен мне для учебы, пара золотых украшений у тёти Али, телевизор... Есть ещё бойлер и стиральная машинка, но они тоже старые. Еле работают.

«Надо вызвать полицию», – наконец-то проносится в голове толковая мысль.

Я делаю шаг назад, но неожиданно голова идет кругом. Приходится хвататься за ручку. Дверь предательски скрипит, сердце прыгает в горло, я забываю как дышать.

Спустя несколько секунд дверь толкают, я ударяюсь спиной о стену. От поясницы до плеч пробегает волна боли.

Чья-то рука сдавливает горло, перед глазами темнеет. Я хриплю, пытаюсь вырваться, однако ничего не выходит. Тот, кто рядом, намного сильнее меня. Здесь темно, и я не могу разглядеть его лица.

Вцепляюсь ногтями в рюкзак, пытаюсь ударить, но искусственная кожа попросту выскальзывает.

– От...пус... тите... – хрипло умоляю безликое чудовище, и чувствую кожей, как оно улыбается.

А потом резко разжимает руку. Я сползаю по стенке и стараюсь откашляться, горло дерет наждачкой, перед глазами всё плывёт.

Мой кашель разрезает тишину в коридоре. С лестничной клетки вдруг доносятся шаги; внутри вспыхивает огонёк надежды, что это кто-то из моих соседей.

Пытаюсь встать, но меня тут же резко хватают за волосы и втягивают в квартиру. Я вскрикиваю, рот зажимают пахнущей табаком ладонью.

– Взялась тут... – выдыхает он мне на ухо. – Какого черта припёрлась? Неужто дел мало? Дурная мелочь, что теперь с тобой делать?

– Перестань, – вдруг кто-то осаживает его из комнаты.

Тихо так, спокойно, но при этом настолько властно, что не возникает даже мысли сопротивляться.

У него низкий голос, такой, что внутри невольно всё подрагивает.

Ладонь исчезает с моего рта, но горло перехватило стальным обручем, и я не могу произнести ни слова. Хотя молчать нельзя. Разве что лишнего не говорить. Впрочем, сейчас мне настолько страшно, что дерзить не потянет. Не в той весовой категории. Дура. Идиотка. Надо было отойти и сразу вызвать полицию, а не стоять рядом.

– Отпусти девочку, она не виновата, что пришла домой. Будь вежливым, в конце концов.

Я сглатываю. Вежливые не хватают девушек за горло и не таскают за волосы. Не зажимают им рот и не...

– Ну, Лия, заходи. Нам есть о чем поговорить, – произносит тот же голос, и я даже не подозреваю, что многие годы он будет снится мне в кошмарах.

Меня толкают в комнату, я теряю равновесие и падаю. Однако тут же оказываюсь в крепких объятиях. Жёстких и самоуверенных, но явно без желания причинить боль.

- Смотри, куда ступаешь, малышка. Так недалеко до беды.

Его дыхание щекочет мой висок, по телу пробегает горячая волна. А ещё пахнет сандалом и каким-то восточным ароматом.

Меня усаживают на диван и больше не говорят ни слова.

В нашей маленькой комнатке становится слишком тесно и неудобно, когда я понимаю, что тут три мужчины. Один – высокий и широкоплечий, в деловом костюме. Правда, он больше напоминает бойца, чем бизнесмена. Очень короткая стрижка, неприятный пронизывающий взгляд, тяжёлые надбровные дуги, огромные кулаки. Именно он втаскивал меня в квартиру, а до этого – держал за горло.

Инстинктивно я сжимаюсь на диване и отодвигаюсь в сторону. Он замечает это и улыбается. Только улыбка больше похожа на звериный оскал, и я чувствую себя загнанной мышкой, у которой нет ни единого шанса сбежать на волю.

Поворачиваю голову и вижу, что у окна стоит светловолосый мужчина. Он тоже в костюме, но его внешность куда более приятна и... обманчива, нежели у первого. Второй может быть как честным человеком, так и чудовищем, которое никогда не выпускает из своих когтей добычу. Он смотрит на меня спокойно, без угрозы, но и без симпатии. Словно на диване вообще никого нет.

И это дает небольшую передышку от агрессии «бойца».

Но когда я смотрю на человека, сидящего в кресле напротив, из головы мигом выветриваются все мысли.

Его волосы седые, едва касаются плеч. Черные, как обсидиан, глаза смотрят настолько внимательно, что не остается даже сомнения – он знает, о чем я думаю.

Крючковатый нос, соболиные брови, на шее платиновая цепочка. На нём тёмно-серый костюм и белоснежная рубашка. Он поднимает руки, и я вижу на безымянном пальце левой массивный перстень в виде головы орла.

Во всем облике мужчины есть что-то восточное, но определить к какому именно народу он принадлежит, я не могу. К тому же, скорее всего, полукровка...

– Ты мне дыру прожжёшь, – замечает он и усмехается.

К щекам приливает кровь, становится жарко. Ощущение, будто уличили в чем-то постыдном. Хотя я ничего плохого не сделала. Не я ворвалась в чужой дом.

– Кто вы? – наконец-то спрашиваю я, когда возвращается возможность нормально соображать. – И что вам нужно?

– Какая разговорчивая.

Ему явно нравятся мои беспомощность и непонимание. Его спутники переглядываются, в их глазах мелькает что-то такое, от чего хочется вжаться в спинку дивана.

Но это лишь краткий миг. Потому в следующий седой вдруг представляется:

– Меня зовут Григорий Искандеров. Не уверен, что Аля когда-то обо мне говорила, хотя мы прожили вместе пять лет.

Я хмурюсь и закусываю нижнюю губу. А вот и знаю. Правда, совсем немного. Тётя Аля что-то говорила про первую любовь и невероятного парня, в которого влюбилась, будучи ещё студенткой. Я знаю, что они поженились. А вот почему разошлись – нет.

– Упомянула, – осторожно говорю ему и тут же перехожу в наступление: – Вы знаете, что она в больнице?

– Знаю, – холодно отвечает Искандеров. – Иначе меня бы здесь не было.

Хочется спросить, зачем он взломал дверь в квартиру бывшей жены. Хочется понять, чем я заслужила такое обращение и страх. Хочется заорать и потребовать объяснений. Однако я сижу словно кролик напротив удава и понимаю, что не могу даже пошевелиться. Орать, впадать в истерику – бессмысленно. Меня скрутят в мгновение. И хорошо, если оставят целой. Поэтому остается только ждать, что скажет Искандеров.

Пальцы невольно впиваются в дешёвую кожу рюкзака. Неприятно сосёт под ложечкой от предчувствия, что этот визит добром не кончится.

– Видишь ли, Лия, много лет назад Аля забрала у меня одну вещь. Она считала её своей по праву. Поначалу я был жутко зол. Но потом... потом я пришёл к выводу, что это не так уж плохо. В конце концов, именно эта потеря привела меня к прогрессу и дальнейшему росту.

– О чем вы? – хрипло спрашиваю я, не понимая, о чём он говорит.

– Узнаешь, плохо воспитанная Лия, – хмыкает Искандеров. – Слушай дальше, не перебивай старших, пожалуйста.

От его тона по моему позвоночнику пробегают мурашки, а пальцы леденеют. В нем есть нечто такое, что не дает спокойно дышать, что заставляет лезть в голову совершенно неуместные мысли.

– Я не держу зла на Алю, хоть до сегодняшнего дня и не собирался ей помогать, – продолжает он. – Но человек предполагает, а бог располагает. Я уже говорил с врачом.

Повисает пауза. Я смотрю на него. Немного недоверчиво, немного странно. В душе поселяется уверенность, что он говорит правду. Что-то такое есть в интонации, что не дает возможности сомневаться.

– И? – тихо спрашиваю, не выдержав пристального взгляда его черных глаз.

Он просто озвучивает сумму, необходимую на лечение.

Рюкзак выпадает у меня из рук и с глухим стуком ударяется о пол.

Я тупо смотрю вниз, на ковёр. И понимаю, что даже если брошу университет и найду хоть какую-то работу, не смогу столько получать.

– У меня столько не будет, – говорю не своим голосом, ломким и жутким.

– Я в курсе, – внезапно произносит Искандеров. – Поэтому у меня к тебе есть предложение.

Наше время

Я стою возле зеркала. Кисть с пудрой порхает по щекам и скулам.

Прошли те времена, когда я позволяла себе выйти без макияжа, пускай и естественного. Жена Кирилла Рогинского не может выглядеть как девочка из соседнего подъезда. Всё должно быть подобрано, подогнано, приведено в порядок.

Длинные каштановые волосы блестят, волосок к волоску укладываются долго и старательно. Косметика делает лицо более взрослым, сглаживает все мелкие недочеты.

И в зеркале отражается немного монументальная девушка, которой может быть как восемнадцать, так и к тридцати. Мои карие глаза идеально гармонируют с цветом кожи и карминовой помадой.

– Моё совершенство, – любит повторять Кирилл, когда я выхожу из спальни. С макияжем, но... обнажённая. Каждый мужчина ведётся на своё. Этот – так.

Мой взгляд падает на бордовую метку на плече, и я тут же натягиваю рукав кофты из лёгкой воздушной ткани.

Я прикрываю глаза и упираюсь лбом в холодную поверхность зеркала.

Кирилл вчера был... словно сам не свой. Перед глазами до сих пор стоит сцена, как он влетает в мою комнату и стоит в дверном проёме. Глаза разве что не

полыхают огнём, губы сжаты в одну линию.

– Лия, что происходит? – он старается говорить ровно, но вот-вот сорвется на крик.

Это столько пугает, сколько удивляет. Мы с Кириллом – идеальная семья. Мы не кричим друг на друга, предпочитаем выяснять отношения как цивилизованные люди.

Но сейчас... Сейчас, кажется, он на грани.

Не успеваю состыковать одно с другим. Он в несколько шагов преодолевает расстояние между нами и оказывается очень близко. На нём нет одежды, от запаха и вида его кожи внутри просыпается желание.

Я с ужасом осознаю, что именно в желание переплавляется мой страх.

– Не молчи, – хрипло говорит Кирилл, вздёргивая мой подбородок и заставляя смотреть прямо в глаза. – Ты весь день сама не своя.

Сейчас я вижу в нём того Кирилла, в которого влюбилась ещё на том пафосном приеме, который устраивал мой дядя. Кирилл, мой будущий супруг... Страстный, невероятный, самый лучший.

Мысли про видео и любовницу отходят на задний план. Я всё равно никогда не признаюсь, мои мысли запретны для тебя, любимый.

Кирилл хмурится, но я использую оружие, которое всегда бьёт без промаха.

– Маленький женский каприз, – шепчу еле слышно, глядя на него сквозь полуопущенные ресницы.

А потом приподнимаюсь на носочки и касаюсь его губ. Ласково, ненавязчиво, дразняще. Он не реагирует, будто сейчас скажет, что раскусил мою хитрость, но тут же сжимает меня в объятиях так, что сложно дышать.

Его губы сминают мои в бешеном, немного болезненном поцелуе. Кажется, будто в него выливаются неуверенность и непонимание, вызванные моим поведением.

Моя грудь прижимается к его, жар поднимается от низа живота и разливается по всему телу полыхающей лавой. Мне нравится целовать этого мужчину. Мне хочется его ласкать и гладить. Я желаю принадлежать ему полностью, без остатка.

Руки Кирилла тянут пояс моего халата, шелковая ткань соскальзывает с плеч и спины. Кирилл смотрит на меня жадно, голодно. В эти моменты отходит на задний план лощеный и холодный бизнесмен – и просыпается настоящий хищник.

Он целует меня, выглаживает бока и бёдра. Губы Кирилла обжигают шею и плечи.

Я оказываюсь на столе, с широко разведёнными бёдрами. Его пальцы порхают по внутренней стороне, дразнят, осторожно проникают внутрь, задевая клитор.

По телу проносится молния, я вскрикиваю и ахаю. Ногти впиваются в его плечи.

Кирилл чуть прихватывает зубами мочку уха, дыхание становится чаще и тяжелее.

Он берет меня прямо на столе, заставляя стонать, будто никогда и не была приличной девочкой, и подаваться на встречу. Я вздрагиваю от каждого проникновения, так жадно и неистово отвечаю на его поцелуи, прижимаюсь кожей к коже.

Оргазм накрывает волной, я вскрикиваю. Кирилл глухо рычит. Меня окутывает негой; тело готово вспыхнуть сверхновой звездой.

Кирилл оставляет засос на моем плече и проводит языком к шее, слизывая солоноватый вкус кожи.

– Ты моя, Лия, – шепчет он, – только моя. Я не отдам тебя ни одному мужчине. Ты поняла?

В последних словах слышится затаенная угроза. Но я отмечаю глупые фантазии. Нормально, если мужчина не хочет делиться своей женщиной.

Он снова целует меня...

Я делаю глубокий вдох и резко отхожу от зеркала. Непозволительно долго уже стою здесь. К чему перебирать события вчерашнего вечера, когда я всё равно не собираюсь отказываться от своих планов?

Я выхожу из дома. Водитель уже ждёт на улице. Стоит, курит и смотрит куда-то в сторону. Он старше меня. Десять лет назад женился. И всё никак не могли зачать ребёнка. А тут... месяц назад родилась здоровенькая доченька, в которой теперь супруги души не чают.

– Добрый день, Виктор, – говорю я, чуть улыбаясь.

– Добрый, Лия Александровна, – чуть смущённо отвечает он, быстро гасит сигарету и распаковывает передо мной дверцу машину. – Куда первым делом? В магазин или к Янису?

– Магазин, – говорю я, – потом Янис.

И не озвучиваю, что кроме этого, у меня есть ещё планы.

Говорят, шопинг успокаивает и отвлекает. Переключает женское внимание с малоприятных мыслей на приятное занятие. Якобы когда гардероб женщины обновляется и пополняется, она становится добрее, милее и начинает смотреть на мир по-другому.

Наверное.

Не знаю.

Это всё не про меня. Как-то никогда не было желания скупить весь магазин и рыться в этих вещах, которые потом не буду знать, куда деть.

Вот и сейчас я иду мимо вешалок с плечиками, на которых ровными рядами висят платья, кофты, юбки и костюмы.

Взгляд скользит от одной вещи к другой, но никакой радости не возникает. Это обыденность, глупый ритуал, который я вынуждена соблюдать, чтобы не давать повода для лишних разговоров. Ведь если женщине чужды женские слабости, то она вызывает куда больше пристальных взглядов, чем положено. А я... не имею права привлекать внимания. И это всего лишь последствия выбора, сделанного шесть лет назад, когда мне было всего восемнадцать.

- Что-то подобрали? - спрашивает юная девочка-консультант.

На покрашенных персиковой помадой губах улыбка, но в глазах неуверенность и робость. Ясно, новенькая. Ещё не научилась держать лицо. Ничего, дорогая, всё придёт с опытом.

Я указываю на первый попавшийся бежевый шарфик, серую кофту и ещё несколько мелочей. Всё жутко не сочетается, девочка только кивает, однако видно, что её удивляет мой выбор.

А вот тут минус, дорогая. Клиент всегда прав, даже если ему угодно носить корзину на голове.

Впрочем, всё это стоит столько, что удивляешься, как у производителей хватает наглости озвучивать такие цены. Но я плачу.

Простой закон рынка: для изделия или услуги справедлива та цена, которую готов заплатить покупатель. Пока он платит - продавец в шоколаде. А уже сколько давать денег и за что - зависит от мозгов покупателя.

Кирилл не полностью знает мою биографию. И не факт, что когда-то узнает. Для него я милая, нежная жена, которая любит готовить и красиво одеваться. Ладно, не всегда красиво, но дорого.

Я уже готова выйти из магазина, как вдруг ощущаю, что кто-то смотрит мне в спину. Знаете, то странное чувство, когда словно кто-то почти касается тебя острием стрелы. Он может нарисовать замысловатый узор, а может проткнуть

кожу.

Сжимаю ручку пакета и поворачиваю голову. И неожиданно встречаюсь со взглядом зелёных, словно колдовской изумруд, глаз.

Сердце проваливается в черную дыру, которая разверзается прямо в грудной клетке.

Он с кем-то говорит по телефону и прямо... смотрит прямо на меня. Меня обдает горячая волна, будто разом со всех сторон подул знойный ветер. Мой взгляд скользит по его губам, читая каждое слово. Я вспоминаю его голос, и по коже проносится электрический разряд.

Девочка-консультант что-то спрашивает – видимо, решает, что остались вопросы.

Я мотаю головой и... позорно сбегаю. Так быстро, что он не успевает ничего сделать. А ведь явно что-то хотел. Нет, не сейчас.

Виктор снова распахивает передо мной дверцу. Я буквально падаю на сидение, вдыхаю успокаивающий хвойный аромат в салоне машины и прикрываю глаза.

Черт, что происходит?

Мне не нравится. Не нравится это пристальное внимание от незнакомого мужчины, желание оказаться как можно дальше и... собственная предательская реакция. Стоит только вспомнить его глаза и губы, как одновременно с желанием сбежать появляется желание, чтобы он подошёл ближе. И сказал что-нибудь... совершенно глупое, вроде того ехидного «верная жена».

Я переплетаю пальцы, слышится хруст костяшек. За окном проплывают торговые центры, кафешки, дома из стекла и бетона. Люди бегут по своим делам, машины сигналият и несутся вперед.

Виктор всегда аккуратно ведет. Временами он бросает на меня взгляд в зеркальце заднего вида. Кажется, что-то хочет спросить, но не решается.

Становится любопытно. Отодвигаю пакет с покупками, пытливо поглядываю на водителя. Он понимает, что рассекречен, и смущённо отводит взгляд.

- Не молчи, - наконец не выдерживаю я. - Что случилось?

- Да ничего такого, Лия Александровна, - говорит Виктор и сворачивает с оживлённой улицы.

Чтобы добраться к дому Яниса, необязательно стоять во всех пробках. Можно проехать дворами, хоть и не все пользуются этими дорогами.

- Да ну... Говори, - настаиваю я.

- Я хотел отпуск. На несколько дней, - начинает он, не глядя на меня. - Дочка, жене сейчас тяжело. Чуть позже приедет её мама, мы уж как-то будем выкручиваться. Вы меня и так отпускали, я очень благодарен.

Меня не покидает чувство, что это совсем не то, что хотел сказать. На него это не похоже, и я хмурюсь. Выколачивать правду не получится, но теперь же я точно сорву весь фотосет, и Янис будет ругаться, как последний... даже не знаю кто. Но ругается он уж очень витиевато и феерично.

- Виктор, - говорю я тихо, - что тебя тревожит?

Повисает неловкая тишина.

Машина тормозит возле подъезда Яниса.

Некоторое время водитель молчит, задумчиво рассматривает приборную доску, а потом произносит:

- Лия Александровна, мне показалось, что за вами следят.

Глава 3. Лия и Янис

– Красота, ты уже разделась? – спрашивает Янис и деловито засыпает в турку ароматный молотый кофе.

Красота – обращение ко всем хорошим знакомым, которые почти стоят у белой линии «уже друг». Янис прекрасен в своей непосредственности. Ему совершенно плевать, что это обращение может вам не подходить... с вашей точки зрения.

«У каждого человека есть своя красота, – говорит Янис. – Если ты не видишь её – не беда. Если не вижу я – не страшно. Потому что у нас всегда есть мой фотоаппарат».

Преданный, сумасшедшее влюблённый и просто восхитительно упорный в своём любимом деле человек. Янис талантлив. Он сказочным, неподвластным пониманию простых смертных образом умеет сделать человека лучше, чем тот в реальности. В его снимках есть душа. Та самая, которую мы старательно прячем от жестокого мира и стараемся никому не показывать.

На снимке она распускается, словно волшебная роза, сияя фантастической красотой. И дело не в фотошопе или умелой обработке. Если вы не знаете, как поймать взгляд, ухватить несмелую улыбку и перенести в вечность случайное движение, то хоть закупитесь крутым программным обеспечением и крутой техникой – у вас всё равно ни черта не выйдет.

– Разделась.

Точнее, переоделась в новую кофту. Янис уже приготовил яркие аксессуары, поэтому она будет в самый раз.

На кухне стоит сказочный аромат. Янис – фанат кофе. Он пьет его утром, днем, вечером и ночью. Кухня фотографа – не совсем кухня, уж скорее место для коробок, банок, пакетов с кофе. Две кофе-машины, кофеварки, турки... Кофейный маньяк, не сказать иначе.

Потому каждый раз, когда я прихожу, мне варят кофе. Я всегда отдаю должное – Янис спец и тут. Кажется, если его спросят, как он хочет умереть, то Янис велит засыпать в гроб кофейные зёрна.

– Так что там со слезкой? – спрашивает он и смотрит на меня через плечо.

Янис красивый. У него мужественные черты лица, серо-стальные глаза, светло-русые волосы до плеч. Аккуратно подстриженная короткая борода, придающая ему вид современного викинга. Прекрасное телосложение, правое плечо обвивает татуировка в виде морского змея. Ему свободно можно разгуливать без рубашки – женские взгляды будут направлены на тренированное тело. Если бы Янис в какой-то миг решил сменить вид деятельности, то сам бы непременно попал в объективы фотоаппаратов.

Но Янис предпочитает оставаться за камерой, а не перед ней. Это его жизнь и любимое дело. Далек не с каждым он соглашается работать.

Янис ставит передо мной хрупкую фарфоровую чашечку, от аромата кофе голова идёт кругом.

– Попробуй, этот с шоколадом. Только прошу, не надо залпом.

Я смеюсь. Не может без подколок. Считает меня жутко необразованной и страшной женщиной по части поглощения этого чудесного напитка. Я пью его, но пью без должного уважения.

– Ты не ответила на вопрос, – напоминает он, берет свою чашечку и делает глоток.

Чашечка кажется невероятно маленькой в его руке.

– Да, – вздыхаю я. – Но и сказать особо нечего. Виктор не смог подтвердить ничем толковым. Сказал только, что за нами следовала зеленая тойота. Не особо приметная, но я знаю, что у Виктора глаз наметан. Он так отмечает любую деталь по части машин, как ты – кофе.

Янис фыркает, но ничего не говорит.

И ничего не надо. Сложно что-либо добавить.

Кирилл думает, что мы просто друзья, но мы... Нет, не любовники. Мы друзья. Так сложилось, что судьба подарила мне настоящего друга и настоящую подругу. Но о подруге позже.

Янис же рассудителен, умен и умеет выслушивать. У него есть связи, он никогда не оставит в беде. Точно так же, как и я его.

И пусть смеются те, кто не верит в дружбу между мужчиной и женщиной, но я прекрасно знаю причину, из-за которой мы с ним никогда не окажемся в одной постели.

- И это было от магазина шмоток? - интересуется он.

- Вроде как... Но нет гарантии.

- Грешишь на этого красавца?

Я только передёргиваю плечами. Как невероятно глупо сейчас что-то утверждать. Вряд ли обладатель колдовских зелёных глаз будет за мной следить. На таких мужиках бабы всегда висят гроздьями. Не успеешь моргнуть, как уже соблазняют.

Но и отмахиваться от слов Виктора я тоже не собираюсь. Он далеко не глуп и не мнителен. Он следит за дорогой так, что никому и не снилось. Даже Кирилл водит хуже, что я поначалу, конечно же, отказывалась признавать.

Пауза затягивается. Янис внимательно смотрит на меня. Не нужно говорить много, чтобы он понял... понял, что со мной творится неладное.

Рука сама тянется к метке, оставленной Кириллом после вчерашнего секса. Нет, Янис деликатен в этом плане и никогда не пялится на всё то, что может развратной печатью гореть на обнажённой коже, выдавая совершенно недвусмысленное послание: «Это моё!»

С надрывом, искренностью и жутким собственничеством. Изначально я считала, что так и есть. Все эти порывы объяснимы, потому что у Кирилла единственный объект, на кого он это всё направляет. То есть я. Но после присланного видео

всё смешалось и запуталось.

Я вдруг испытываю страшное желание поделиться своими страхами и сомнениями, рассказать Янису. К тому же прекрасно знаю, что он выслушает и подскажет, что делать. Ну ладно... хоть предположит, что можно сделать.

Но внутри что-то словно отдает команду: «Молчать».

И слова, уже готовые сорваться с моих губ, замирают.

– Лия, у тебя всё в порядке? – хмуро интересуется друг.

«Нет!» – огненной вспышкой появляется мысль.

– Да, – говорю я непослушными губами и пытаюсь улыбнуться. – У тебя прекрасный кофе. Ну, что? Идём работать?

После этого Янис хмурится, но следует за мной на расстоянии нескольких шагов, словно боится приблизиться. Или его что-то останавливает, незримое и жуткое.

Шесть лет назад

– Я рад, что ты оказалась умной девочкой, Лия, – говорит Искандеров, не отводя взгляда от меню. – Выбирай, а то сейчас меня съешь глазами.

Я молчу, только стискиваю кулаки под столом. Хотя этот жест так же нелеп и бесполезен, как я среди всей этой роскоши.

Вспоминаю, как ещё полчаса назад Искандеров морщится, когда я предлагаю зайти в столовку возле университета. Нет, не показывает яростного презрения и не унижает словами, но при этом и так было ясно, как такой человек относится к дешёвым закусточным.

А потом велит мне садиться в машину и отвозит в ресторан. Не слишком пафосный, но всё равно дорогой. Сюда можно войти в обычных джинсах, но в кошельке нужно иметь приличную сумму.

У меня её нет.

Пытаюсь понять мотивы Искандерова. Ведь тогда, в квартире, он толком ничего не объяснил. Велел только ждать его звонка. И никому не рассказывать. Особенно тёте Але.

Я перелистываю гладкую страницу меню.

Нормальная смелая девушка непременно бы всё рассказала. Но не я. Не знаю, пусть это интуиция, но я не могу произнести ни слова о случившемся. К тому же перед уходом Искандеров намекает, что не стоит болтать про его визит. Иначе может быть плохо.

Сальные улыбки и ледяные глаза его телохранителей только подтверждают эти слова. Правда, больше ко мне не прикасались. Ощущение, что и Искандерову не понравилось, как со мной обращался этот боров. Игорь. Имя древнерусского князя, манеры бандита.

У меня даже не возникает вопроса, как они попали в нашу квартиру. У второго, Якова, слишком гибкие и быстрые пальцы. А ещё взгляд, от которого не по себе, словно он ищет на тебе замочную скважину и прикидывает, чем её можно взломать. И плевать, что ты не бездушная деревянная дверь, а живой человек. Ведь секреты, окропленные кровью и слезами, намного вкуснее и интереснее, чем просто распахнутая дверь в чужое жилище.

Я сама удивляюсь, откуда в голове возникают такие образы. Но сидящий напротив Искандеров не дает уйти в себя.

– Выбрала? – мило интересуется он.

Я тыкаю на первый попавшийся салат с морепродуктами. Искандеров невозмутимо кивает и делает заказ. Потом смотрит мне прямо в глаза. Вмиг становится холодно, хотя на улице стоит жара. Солнечные лучи беззастенчиво

играют бликами на воде озера, прыгают по ярко-зелёным листьям деревьев, ласково скользят по лицам и рукам гостей ресторана.

Люди смеются, пробуют вкусную еду, разговаривают. Влюблённые за столиком рядом не могут отвести друг от друга глаз. Его пальцы касаются её ладони. На щеках девушки играет нежный румянец, её внимание полностью поглощено юношей.

Где-то внутри я чувствую лёгкий укол. Не то чтобы зависть... Просто так же хочется быть счастливой, и чтобы любили, но это нереально. Предмет моих вздыханий на два года старше меня. Красив, удачлив и слишком хорош собой. А ещё его родители владеют сетью магазинов, поэтому бедные девочки... идут мимо.

Я могу только смотреть издали и вздыхать. Золотые мальчики не смотрят на таких, как я. Хотя порой берут в рот, пережёвывают и выплёвывают. И идут дальше. Ведь нужно отведать как можно больше лакомств.

– Ты девушка задумчивая, – словно ушатом холодной воды окатывают слова Искандерова. – Мне это нравится. Не будешь совать нос не в своё дело.

Я вздрагиваю, щеки горят. Очень надеюсь, что их не залил предательский румянец.

Это всего лишь самозащита. Мозг так хочет спрятать страх перед этим человеком, что начинает подсовывать всякие отвлекающие образы.

Совершенно нелепые, между прочим.

Я уже спокойно признаю, что боюсь Искандерова. Не до дикого животного крика, не до паники и желания немедленно сбежать, но... Это какой-то странный страх, цивилизованно-молчаливый. Просто понимаю, что человек, сидящий напротив меня, опасен. Поэтому надо взвешивать каждое слово и действие.

– Вы расскажете мне, в чём дело? – всё же осторожно спрашиваю я. – Ведь не обедом же вы пришли меня накормить, верно?

– Верно, – кивает он. – Хотя не совсем. Морить голодом человека, к которому у меня есть деловое предложение, не считаю разумным.

Официант ещё ничего не принес, поэтому я не могу сделать вид, что поглощена едой или напитками. Только остается сидеть, будто кролик перед удавом, и смотреть ему в глаза.

Его, кажется, это всё забавляет. А меня начинает злить. И неожиданно я выдаю:

– Что вы от меня хотите?

– Твою девственность и отказ от отношений с кем бы то ни было, – отвечает Искандеров таким тоном, словно просит передать соль.

Дыхание перехватывает. Мысли путаются, а сердце подпрыгивает к горлу.

Пытаюсь успокоиться, делаю глубокий вдох. Мне показалось, просто показалось.

Искандеров с интересом наблюдает за мной. Перед нами ставят блюда, исходящие безумно манящими ароматами, и раскладывают приборы.

– Приятного аппетита, Лия, – улыбается он, и улыбка кажется оскалом хищника.

Но мне кусок не лезет в горло. Зато собеседнику явно по душе моя реакция. И, только после того, как он попробует мясо с травами, всё же обращает на меня внимание.

– Итак, слушай, – начинает Искандеров. – В своё время Аля поступила очень нехорошо.

Я невольно напрягаюсь, сжимаю вилку. Ещё чуть-чуть, и она выскользнет. Господи, когда успела взмокнуть ладонь?

Напряжение... Всё от нервов.

– Мы были парой, – говорит он как ни в чем не бывало. – Хотели пожениться после окончания университета. И открыть собственное дело. Мои родители кое-что имели. Могли помочь. Но я был молод и самоуверен, хотел всё сам.

Пауза. Едва слышное касание тарелки вилкой. Будто дает мне обдумать услышанное.

Я не знаю, правда, что именно надо обдумывать. Тётя Аля никогда не делилась подробностями своей личной жизни. Только отмахивалась и качала головой. Мол, что вспоминать былое, деточка. Жить надо сегодняшним днем. Никогда не оборачиваясь.

Но теперь кое-что стало ясно. Тётя Аля не смотрела назад, потому что боялась оставшегося за спиной искорёженного монстра, который носил имя «прошлое».

Мне становится не по себе от мысли, что я вот легко верю этому человеку. Ведь его я вижу второй раз в жизни. Но надо дослушать до конца. Что-то подсказывает: он не врёт.

– Однажды мы поссорились, – тем временем продолжает Искандеров. – Сильно, Лия. Не так, как могут ссориться влюблённые юнцы. Вернее, так думала она. Один дружок наплёл ей, что я встречаюсь с двумя. А сплю и вовсе не сосчитать с кем. Аля поверила.

На красивых губах Искандерова появляется улыбка. И я заледеневаю на месте, не в силах сделать ни вдоха, ни выдоха.

Этот человек – дьявол. Седой дьявол, не знающий жалости и сомнений. И хвала всем и сразу, что я не стою у него на пути.

– Как понимаешь, потом этот дружок не досчитался зубов и долго лежал в больнице. А Аля... сбежала, забрав наши общие накопления. Спряталась так, что я долго не мог найти.

По позвоночнику пробегает мороз. Я не хочу знать, что бы он с ней сделал, если бы нашёл сразу, как избил того парня.

Но тут же появляется внезапная мысль. А с чего я взяла, что что-то бы сделал?

Искандеров следит за моей реакцией.

– Все твои мысли у тебя на лице, Лия. Тебе надо будет поработать в плане актёрского мастерства, иначе каждый мужик будет знать, какого цвета на тебе белье.

Я вспыхиваю, но тут же слышу его смех. Хрипловатый, низкий, даже приятный. Но расслабляться нельзя.

– Не считай меня чудовищем, Лия, – резко говорит он. – Я не бью женщин. Не говоря уже о том, чтобы причинить вред любимой. А Алю я любил как последний дурак. Поначалу думал, что и правда не стоило так усердствовать с тем юношей. Но... знаешь ли, горячая кровь. Не люблю, когда лгут.

А вот тут я не верю. Искандеров ни капли не жалеет о том, что сделал тогда, много лет назад.

– Искал я её долго. Ровно до того момента, пока не узнал, что побитый был не просто другом, а парнем, с которым она мне изменяла.

И снова дьявольская улыбка.

Я комкаю в руках салфетку, даже не заметив, как её схватила. Но Искандеров на этот раз не делает мне замечаний.

– Да, Лия, я хотел её уничтожить. Не представляешь, сколько во мне было боли и ненависти. Меня посчитала предателем, но оказалось, что предавала она сама.

– И вы... – еле слышно шепчу я.

– Нет, – качает он головой. – Именно в это время умирает мой отец. Мне не до Али. Мы с ней встретились через двадцать лет. Она очень умело пряталась. Но когда увидел, что с ней сделала судьба, понял, что за меня давно отомщено.

Я молчу, в горле резко пересыхает. Начинаю есть салат, чтобы хоть что-то сделать. Искандеров явно имеет в виду гибель моей семьи. И об этом говорить не хочется.

Молчание становится жутким, густым, тяжёлым. Рядом смеются люди и поют птицы. Но меня словно окунули в тёмную воду озера и не дают вынырнуть.

Меня изучают, будто красивую экзотическую бабочку. И думают с отстранённо-жестоким... исключительно исследовательским интересом: проткнуть иголкой прямо сейчас или немногим позже?

- Что вы хотите? - наконец-то выдыхаю я.

Я помню слова про девственность, но не верится, что этому мужчине может понадобиться секс со мной. Переспать со мной, чтобы отомстить Але спустя столько времени? Нет, суший бред.

Искандеров откидывается на спинку стула. Его руки лежат на столе. Я невольно отмечаю, что у него кисти красивой формы, а пальцы длинные и сильные, как у пианиста. Тут же хочется нервно хохотнуть. Это что ещё за бредовые мысли?

- Я дам деньги на лечение Али, - говорит он ровным голосом, без единого намека на эмоции. - Столько, сколько потребуется. И не вспомню о прошлом, Лия.

Дыхание перехватывает. Я понимаю, что это подарок небес. У меня нет способа заработать нужную сумму. Стипендии и зарплаты хватает мало на что. Даже если я брошу университет, то кем пойду?

- Взамен ты станешь моей. Всё провернем так, что комар носа не подточит - у меня работают замечательные специалисты.

Воздух резко становится раскалённым, будто я внезапно оказалась среди бескрайнего зноя пустыни, шепчущих песков и жуткой сини небес, когда нет и намека на облачко.

- Ты будешь беспрекословно слушать меня. Примешь раз и навсегда, что женщина покоряется мужчине. И не станешь смотреть на парней, Лия. Забудешь об этом красавчике с третьего курса.

Я немею от ужаса. Но, услышав последние слова, вздрагиваю и прижимаю пальцы к губам, сдерживая рвущийся вскрик. Откуда? Откуда он знает?

- Ничего такого, что может навредить репутации, в первую очередь моей, - жестко продолжает Искандеров. - Ты поняла?

- Почему... - мой голос хрипит и срывается. - Почему вы так говорите, будто я уже согласилась?

- Потому что ты не хочешь, чтобы Аля умерла, - улыбается он.

Вилка со звоном выпадает из моих рук.

Я прикрываю глаза и пытаюсь унять бешено колотящееся сердце.

Потому что седой дьявол прав.

Наше время

Мы с Янисом заканчиваем через несколько часов. Процесс так увлекает, что время пролетает незаметно. Мы прекрасно друг друга понимаем и готовы экспериментировать, не прерываясь на еду и отдых.

- Ты - идеальная модель, - всегда смеется он, когда очередной фотосет подходит к концу. - Идеальная муза для долбанутого фотографа.

- Такая же долбанутая? - невинно интересуюсь для проформы.

Он только качает головой и продолжает смеяться. Русые волосы рассыпаются по плечам, и я понимаю, почему многие мои подписчицы в Инстаграме завистливо

вздыхают оттого, что я работаю именно с ним.

Янис знает себе цену. И заслужил право выбирать проект. Просто так к нему не попадёшь, Яниса надо заинтересовать. Чем неожиданнее и смелее – тем лучше.

Как же тогда мне удалось уговорить его на работу с девочкой, снимающей всего лишь кулинарное шоу?

А вот так, уметь надо. К тому же...

– У меня никогда ещё не было кулинаров, – как-то признался он. – Таких стильных, очаровательных и... наглых.

Да. Он прав. Я к нему пришла так спокойно и естественно, словно и должна была. А Янис не смог возразить.

– Что-то мне не нравится твой вид, – сообщает он, когда мы выходим на улицу.

Оказывается, у звезды и мечты девиц из Инстаграма в доме закончилась еда. Диета Яниса не прельщает ни в каком виде, к тому же к нему скоро старшая сестра привезёт Хартена.

Хартен – огромный черный ньюфаундленд, которого тоже не прельщает диета.

Поэтому, пока родственница будет отдыхать, в квартире фотографа появится большой и очень прожорливый зверь, до ужаса любящий внимание и потыкаться мордой в коленочки хозяина.

– Чем же? – спрашиваю я, глядя на проходящих мимо пожилых женщин, которые увлечённо рассказывают друг другу о шалостях внуков.

Внуки... Некому у меня их будет нянчить. Родители Кирилла слишком заняты собой и не хотят стареть. Да-да, именно это сказала мне его мама на нашей свадьбе.

«Лиечка, надеюсь, вы не будете торопиться с малышами. Вы оба молоды, у Кирюши карьера, вам нужно подумать о своём будущем. Он мальчик у нас

целеустремлённый, всё получится, но ему нужна опора, которой должна стать ты».

Я невольно горько усмехнулась, вспомнив эти слова.

Не могу сказать, что свекровь испытывает ко мне неприязнь или выставляет слишком высокие требования. Нет. Для неё Лия Савостова – маленькая улыбчивая игрушечка, которую можно поставить на видное место, а можно и задвинуть подальше... особенно когда нет настроения.

Она не трогает меня лишней раз. При встрече улыбается и непременно интересуется здоровьем. Но по глазам я вижу – это всего лишь вежливость. Если будет не Лиечка, то появится Анечка. Танечка. Яночка. Матильда Казимировна. Неважно. Свекровь всё так же будет улыбаться и вести разговоры ни о чём.

От осознания этого больно, но ничего не поделаешь.

– Сама не своя, – возвращает меня в реальность голос Яниса. – Вроде тут со мной идёшь, а сама как русалка в океане мыслей плаваешь. И чую я, что эти мысли очень нехорошие.

Я кошусь на него. Вот как тут что-то скрыть? Как природа могла вообще создать мужчину с потрясающе женским чутьем настроения окружающих.

Мы проходим сквер и оказываемся на перекрестке. Машины стоят на светофоре, но трогаются именно тогда, когда мы подходим к дороге.

Я снова вижу перед глазами едва не сбившего меня человека и делаю глубокий вдох. Янис терпеливо ждёт. Словно понимает: нужно время.

Мы успеваем перейти дорогу, оказаться под тенью раскидистых каштанов. Кто-то из прохожих смотрит на нас, будто узнал. Но не пытается подойти. Узнал Яниса, скорее всего. Он намного знаменитее меня.

С силами и мыслями я собираюсь только после того, как мы выходим из кондитерского магазина. Мой большой сильный фотограф обожает шоколад и творожный крем. Но об этом знают только самые близкие люди, Янис не

афиширует свои вкусы.

– Послушай... – начинаю я, он бросает на меня заинтересованный взгляд. – Что бы ты делал, если б знал, что тебе изменяют?

Янис едва не спотыкается, но успевает быстро восстановить равновесие.

– Красота, ты меня пугаешь, – говорит он и немного беспокойно смотрит мне в глаза.

Я же в это время ругаю себя последними словами. Не сообразила, что он всё воспримет всерьёз. Ведь знает, что я не ревнива, истерик не закатываю и не слежу за мужем. Нелепые предположения строить не буду, а значит, у меня есть серьёзные причины задать именно такой вопрос. И это не совсем правильно... Точнее, правильно, но актриса из меня никакая, всё сразу видно. А не мешало бы хоть чуть-чуть помолчать и не вываливать этот секрет.

– Сначала я бы удостоверился, – всё же произносит Янис. – Получил доказательства. И только потом задавал бы ему вопросы.

Рациональный и здравый подход. Хотя что там, я сама думала так же.

Вздыхаю. Янис кладёт мне руку на плечо, чуточку сжимает. Приходится остановиться.

– Лия, Кирилл тебе изменяет? – спрашивает он.

По глазам вижу – вопрос задан лишь для приличия. Янис уже всё понял.

– Я не знаю, – кое-как удается ответить. – Не хочу в это верить. Но мне прислали видео, где он и...

Слова застревают в горле осколками битого стекла. Кажется, если я произнесу хоть что-то ещё – тут же захлебнусь в собственной крови. Могу только стоять и беспомощно смотреть на друга.

Не знаю, сколько проходит времени, однако Янис вдруг щурится и произносит:

– Я знаю, что делать. Мы решим это.

Глава 4. Кириллу предлагают пари

В кабинете жарко, солнце светит через огромное окно. Мой кабинет на солнечной стороне, и каждое лето я проклинаяю эти окна в пол. Деловой комплекс «Астерия» прекрасно смотрится с улицы, но изнутри всё же остались недоработки. Возможно, тем, кто любит зной и лучи раскалённого солнца, оно и в радость, но только не мне.

И пусть сейчас только весна, у меня уже отвратительное настроение и ожидание жары. Я не люблю море, пляжи и дайвинг, куда милее мне пушистый белый снег и лыжи. Или просто разлапистые ели, узкие дорожки, деревянные шале горных курортов. После такого отдыха все мысли становятся упорядоченными, а цели – намного ярче.

Но до отдыха далеко, как и до зимы.

Сейчас напротив меня сидит Владимир Вольский. Пьет чудесный кофе, сваренный Кирой. Моя прекрасная и умная секретарша. Всегда знает, когда нужно промолчать, когда улыбнуться, когда эротично показать ножку или расстегнуть пуговицу на блузке.

Вольский обратил на неё внимание, сто процентов. Значит, буду вызывать девочку в нужные моменты. Отвлечь внимание она умеет. Кира хочет красивой жизни, но имеет хоть какие-то принципы и понятия, чтобы откровенно на меня не вешаться.

Зуб даю, что она бы давным-давно прыгнула ко мне в койку, если бы я сделал хоть малейший намек, что хочу её там видеть.

Но мне это ни к чему. На работе всё должно быть кристально чисто. У меня есть жена, которая хоть с виду и мила, но Киру однозначно не любит. Есть за что. Кира эффектнее Лии. Но Лия умнее Киры. И у моей жены ещё много достоинств, ради которых я с ней буду жить и дальше.

Впрочем... не рассказывая всего. О Маргарите, например.

Вольский смотрит на рамку с фотографией Лии, стоящую на столе. Очень внимательно так смотрит, будто что-то задумал.

Делаю глоток кофе – горчит. Что это с Кирой? Так засмотрелась на Вольского, что забыла положить сахар? Или мне уже всё несладко рядом с этим человеком?

– Жена? – интересуется Вольский, продолжая внимательно рассматривать фотографию. Слишком внимательно.

Это начинает напрягать. Нечего так пялиться на то, что принадлежит мне. И неважно, что это: машина, производство или женщина.

Кто-то бы сейчас укорил меня, что нельзя ставить на одну планку неодушевлённые предметы, бизнес и людей. Но мне плевать. Хотя по идее бизнес всегда выше.

– Моя, – говорю ровным тоном, пока ещё не пускаю в голос скрытую угрозу.

– Давно женаты? – как ни в чём не бывало продолжает он и переводит взгляд на меня. В его пальцах тоже зажата маленькая белая чашка, и сизый парок ещё поднимается вверх.

– Год. А что?

Нехорошо, неправильно. В последнем вопросе интонация выходит нехорошая. Словно задиристый петух, который увидел конкурента на своей территории.

Сравнение нелепое, но почему-то кажется забавным, давая возможность переключиться с собственных мыслей на Вольского.

Впрочем, все мужчины – собственники. Это даже не обсуждается. Если же мужчина заявляет, что собственничество для него – пустое слово, то ему банально плевать, кто вы и с кем вы. Причём настолько, что легче всё позволить, нежели объяснять: «Детка, я тебя забыл, стоило выйти из твоей спальни».

Вольский изгибает губы в улыбке, белоснежной такой, даже немного киношной. От баб, наверное, нет отбоя. Ведь Владимир только на три года старше меня, состояние сколотил сам, что вызывает зависть и уважение. Но зависть такую... не черную. Это планка, на которую стоит равняться.

Вольский мне не конкурент. Он покупатель. А такую категорию надо холить и лелеять, желая процветания и ума не загубить созданную им же империю.

– Красивая, – равнодушно замечает он. – Давно меня не было в родных краях, всё упустил.

– Красивая, – холодно соглашаюсь я. – А ещё и умная. И талантливая.

Прикусываю язык, сам не понимая, зачем всё это сказал. Раздражение выливается вот таким странным образом, виной тому утренняя встреча с партнёрами из Прибалтики. Разговор вышел куда более нервным, чем хотелось бы.

Вольский делает вид, что не замечает моего настроения, и невинно интересуется:

– А в чём заключается талант?

Приказываю себе натянуть улыбку на лицо и ответить:

– Ведёт кулинарное шоу.

Характеристика не совсем верна, но вряд ли он сейчас захочет обсудить рецепт шоколадного торта с фруктами, который делала жена на днях.

Вольский наконец-то оставляет Лию в покое и обращает внимание на дело.

– Я изучил контракт, Кирилл, – говорит он уже чётко и без лишних эмоций. – Вижу, вы наняли толкового юриста, который заботится не только об удобстве продавца.

Никак не комментирую, куда отправился прежний юрист, проработавший тут всего две недели, но успевший натворить дел. И надо же было, что именно тогда заключался контракт с Вольским.

– Я бы хотел обсудить пункты о сроках, – улыбается он, и мне почему-то становится не по себе.

Я еду быстро. Внутри кипит злость. То и дело нога вдавливают педаль газа, а тормоза рвано и коротко взвизгивают. Специально поехал подальше от делового центра, чтобы и машин поменьше, и дорога посвободнее.

Вольский – талант. Вроде ничего такого, но каждый взгляд – ленивое превосходство, каждый жест – скрытая угроза. Он говорит спокойно и вроде бы не подразумевает ничего плохого, но я чувствую себя рядом с ним глупым неопытным мальчишкой.

В этот раз не должно быть накладок. Мы всё выполним. В конце концов, это всего лишь производство. Мы делаем машины – Вольский покупает.

Но при этом манипулирует всеми и вся. В любой момент он может найти другого продавца. Нужно ли мне это? Нет. Если сорвётся контракт с ним, придется сокращать обороты производства...

Я делаю глубокий вдох. Спокойно, спокойно. Не надо заранее нагнетать. Иначе будешь выглядеть не лучше Киры, у которой сорвался с крючка богатый любовник.

Лучше думать о приятном. Меня ждёт Лия, которая сейчас готовит вкусный ужин. Я женился на ней не из-за кулинарных талантов, но был крайне впечатлён, что она знает, с какой стороны подойти к плите. Также она знает про пылесос, стиральную машину и даже компьютер. Единственное, чего не знает – что делать с женщиной. Вернее, теория была, но никакой практики.

Я первый и единственный мужчина своей жены. Тогда это удивило, но после знакомства с её приемным отцом, Григорием Искандеровым, я понял, почему

так. С таким не забалуешь.

Машина останавливается, я выхожу. Вдыхаю прохладный вечерний воздух, рука сама тянется к сигаретам. Надо перекурить и привести мысли в порядок.

Только когда огонёк зажигалки касается сигареты, осознаю, что именно царапает душу острыми кошачьими когтями и не дает успокоиться. Повышенное внимание Вольского к Лии. Он смотрел на фотографию так, будто нашёл в нашей линейке ещё одну модель, которую непременно надо приобрести.

Если бы я не знал этого человека, то решил бы, что схожу с ума. Но я знаю.

Докуриваю, тушу сигарету и щелчком пальцев отправляю в урну. Поднимаю голову и смотрю на седьмой этаж. Горит свет – ждет меня. То, что сразу поехал сюда, а не домой, тоже правильно. Напряжение надо сбрасывать.

Я ныряю в салон машины, подхватываю пакет со сладостями и иду в подъезд.

Маргарита любит сладкое. Конфеты, духи и мальчики. Правда, когда мы стали спать вместе, мальчики закончились. Сразу предупредил, что не покатит никаких свободных отношений и походов налево. Мне не нужны сюрпризы в виде половых инфекций и неожиданных героев сексуального фронта, оказавшихся в её постели, когда я приду.

Поначалу Маргарита была не в восторге. Но потом, осознав свою выгоду, согласилась.

Она моложе меня на восемь лет. Красива, сексуальна, энергична и умеет помолчать. Ясное дело, что эта длинноногая блондинка не против надеть на пальчик обручальное кольцо, только вот я уверен, что ей не хватит ума обставить всё красиво. Для того, чтобы я подумал про замену Лии, нужно нечто большее, чем красивые ноги и глубокий минет.

Маргарита открывает двери и улыбается. От неё пахнет ванильными духами. Пухлые губы призывно улыбаются.

– Привет, Кирилл, – выдыхает она своим низким голосом. – Я ждала.

Её рука обнимает меня за шею, шёпот обжигает:

– Совсем забыл свою кошечку.

В Маргарите ни черта нет от кошки, но если ей нравится, то почему не позволить маленький каприз? Как показывает практика, некоторым женским капризам надо потакать, тогда можно получить куда больше.

Я распускаю пояс её халата, там даже и особо стараться не надо. Оглаживаю ладонью поясницу, сжимаю ягодицу. От ощущения бархатистой кожи все мысли идут только в одном направлении.

Маргарита знает, что делать. Сладости отставлены, ловкие пальчики расстегивают мою рубашку.

– О, ты тоже по мне скучал, – мурлычет она, прихватывая губами мочку моего уха.

Дышать немного труднее, когда к тебе прижимается обнажённая женщина. Но я не позволяю делать ей так, как она хочет. В сексе ведущая роль может быть только у меня.

– Не так, – хрипло шепчу я и отстраняю её.

В огромных глазах мелькает недоумение и непонимание. И едва различимо – страх. Вдруг я пришёл для того, чтобы сказать ей о нашем разрыве?

Я скольжу пальцами по её шее, от ключиц к груди. Обвожу сосок, чуть сжимаю его. Маргарита еле слышно ахает, прикусывает нижнюю губу. Смотрит мне в глаза вызывающе. Ни капли не смущается. В отличие от Лии, у неё были мужчины, научившие всякому. А Маргарита оказалась очень хорошей ученицей.

– Расскажи, как ты ждала меня, Марго, – едва сдерживая усмешку, говорю я.

– Преданно, – отвечает она. И еле слышно вскрикивает, не ожидая, что я так сожму пальцы на нежной коже.

Мне нравится оставлять свои метки. Древний сигнал первобытного самца на самку. Моё – не тронь.

– Мне было так одиноко, – выдыхает Маргарита, невольно втягивая и без того плоский живот – мои пальцы опускаются всё ниже, и она не знает, чего ожидать. – Я...

– Ты становишься на колени.

Она смотрит на меня лишь несколько мгновений. В её глазах столько эмоций, что желание только крепнет, и хочется с силой надавить на её плечи, чтобы опустилась скорее.

Но Маргарита – умная девочка. Она сама прекрасно знает, что нужно делать. А потому пухлые губы улыбаются, черные загнутые ресницы опускаются, пряча взгляд, в котором невероятная смесь невинности и жажды опытной шлюхи.

Её ладони скользят по моим бедрам; слышится звук раскрываемой молнии.

Дыхание перехватывает, когда её губы обхватывают мой член. Пальцы сами вплетаются в белокурые пряди. Маргарита не сопротивляется. Позволяет мне вести в этом развратном танце, полностью отдается в мою власть. Она прекрасно выучила, что я люблю.

Она берёт глубоко, кажется, ей это нравится.

Совершенно сносит крышу, когда она поднимает взгляд и смотрит мне прямо в глаза. Зрелище настолько пошлое и возбуждающее, что невозможно долго держаться. Да и не хочу. Не за этим я здесь.

Маргарита ласкает всё быстрее, я кончаю спустя несколько минут. По телу пробегает приятная волна расслабленности. Дыхание тяжелое, будто у спортсмена, пробежавшего дистанцию.

Дьявол! Почему Лия не умеет ничего подобного? Возможно, тогда бы я не смотрел на других девочек.

И тут же понимаю, что это «возможно» слишком эфемерно. Мне не нужна развратная жена, которую потянет на приключения. Да и пусть неопытная, зато гарантированно ожидающая меня, а не кого-то другого. И я ни за что не пожелал бы ребёнка от такой, как Маргарита. Чему она сможет научить? Такая не ровня моей Лие. А что недостатки... Так они у всех есть, даже у меня.

При этой мысли я криво усмехаюсь. Маргарита хмурится. Кажется, она немного озадачена. Совсем не так реакция, на которую рассчитывают после такого действия. Приходится исправляться.

– Малышка, ты чудо, – говорю я самым сладким тоном, на который только способен. Поднимаю её и целую в губы, на которых ещё остался мой привкус.

Маргарита оттаивает, пытается ластиться, приходится немного продлить ласки, но я с изумлением понимаю, что не хочу сегодня задерживаться. Секс, конечно, хорошее лекарство от забот, но слишком кратковременно.

– Я приготовила вкусный ужин. Останешься?

Знаю-знаю твоё «приготовила», крошка. Купила в магазине, заказала в ресторане, дома разложила на тарелки и подогрела. В готовке Маргарита полный ноль, но никак не хочет этого признать. На эту попытку выставить себя прекрасной хозяйкой я смотрю сквозь пальцы. В конце концов, я прихожу сюда не для того, чтобы поесть.

Но всё же с Маргаритой я прощаюсь спустя полчаса, пообещав купить очередную побрякушку. Вкус у неё тоже так себе, но какое моё дело? Пусть носит что хочет. Её молчание обходится не так уж и дорого.

Когда я выхожу на улицу, уже темно. Лия ждёт дома. Ездил сегодня к своему фотографу: значит, можно не беспокоиться.

Каждый раз, когда об этом думаю, только усмехаюсь. Чудны дела твои, природа. Чтобы такого мужика и... Хотя таким, как я, намного лучше в этом случае.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/komarova_marina/serdce-v-kletke

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)